

ПОКАЗАТЬ ЧЕЛОВЕКА

Павел и Полина Матвиец

Апрель 1828 г. в жизни профессора зоологии Карла Бэра из Кёнигсберга ознаменовался важным событием: его избрали академиком Императорской академии наук в Санкт-Петербурге и пригласили работать в такой манящей, но одновременно и пугающей столице Российской империи...

Ученый мучительно размышлял, ехать или не ехать, и в конце 1829 г. решил отправиться туда на разведку. В Санкт-Петербурге его приняли очень хорошо. Бэр получил в заведование Зоологический музей, но под гнетом семейных обстоятельств был вынужден вернуться в Кёнигсберг.

Супруга ученого категорически противилась переезду. В ее родном городе были дом, сад, а в саду

подрастали не только цветы, но и пятеро маленьких детей, да и шестой вот-вот должен был появиться на свет. А в Петербурге ждала неизвестность...

Профессора Бэра очень уважали. За почти 10 лет жизни в Кёнигсберге, куда ученый перебрался вслед за своим научным руководителем в Дерптском университете профессором К. Ф. Бурдахом в 1817 г., Карл Бэр успел стать знаменитостью. Он читал лекции по анатомии и зоологии в университете, опубликовал

несколько книг, в том числе весьма популярные «Лекции по антропологии для самообразования», основал Зоологический музей, несколько раз исполнял обязанности проректора. Его пытались переманить в Дерпт, но в Кёнигсберге специально для ученого построили анатомический институт, который он возглавил, да и жалование положили приличное. А главное, была возможность спокойно и глубоко заниматься увлекательнейшей эмбриологией. В результате исследований он сформулировал фундаментальные положения этой науки, позднее названные законами Бэра, и открыл яйцеклетку млекопитающих. После выхода из печати в 1828 г. первого тома труда «История развития животных. Наблюдения и размышления» его и пригласили в Россию. Переезд сулил Карлу Бэру важные перспективы и возможность осуществить юношеские мечты о путешествиях, окунуться в мир всесторонних натуралистических изысканий на малоизученных просторах.

Окончательное решение Бэр принял в 1834 г. и со всей семьей переехал в Российскую империю. По сути, он вернулся на родину, ведь родился в 1792 г. в имении Пийбе, что в сотне верст от губернского города Ревеля (Таллина). Там он закончил школу, потом университет в Дерпте (Тарту). Бэр получил диплом врача в 1814 г., успел еще студентом принять участие в Отечественной войне 1812 г., спасая раненых в рижском госпитале, где сам чуть не умер от тифа во время осады города наполеоновскими войсками. Отсюда начинался путь Карла Бэра в науку. Большую часть этого пути он, как и положено настоящему путешественнику, преодолел пешком! «Меня привлекало чувство полной независимости, когда имеется возможность задерживаться в каждом приглянувшемся месте и соприкасаться с разными слоями населения», — писал Бэр о своих скитаниях по европейским центрам учености. Молодому врачу было тесно в пределах лишь медицинской практики — он пытался охватить все разом. Берлин,

Дерптский университет

Шхуна «Лейтенант Кротов» на фоне горы Носилова (сверху). Гора Матюшев камень (справа). Листы из альбома литографий к «Путешествию Бэра на Новую Землю в 1837 году». По рис. Карла фон Рёдера. 1837 г.

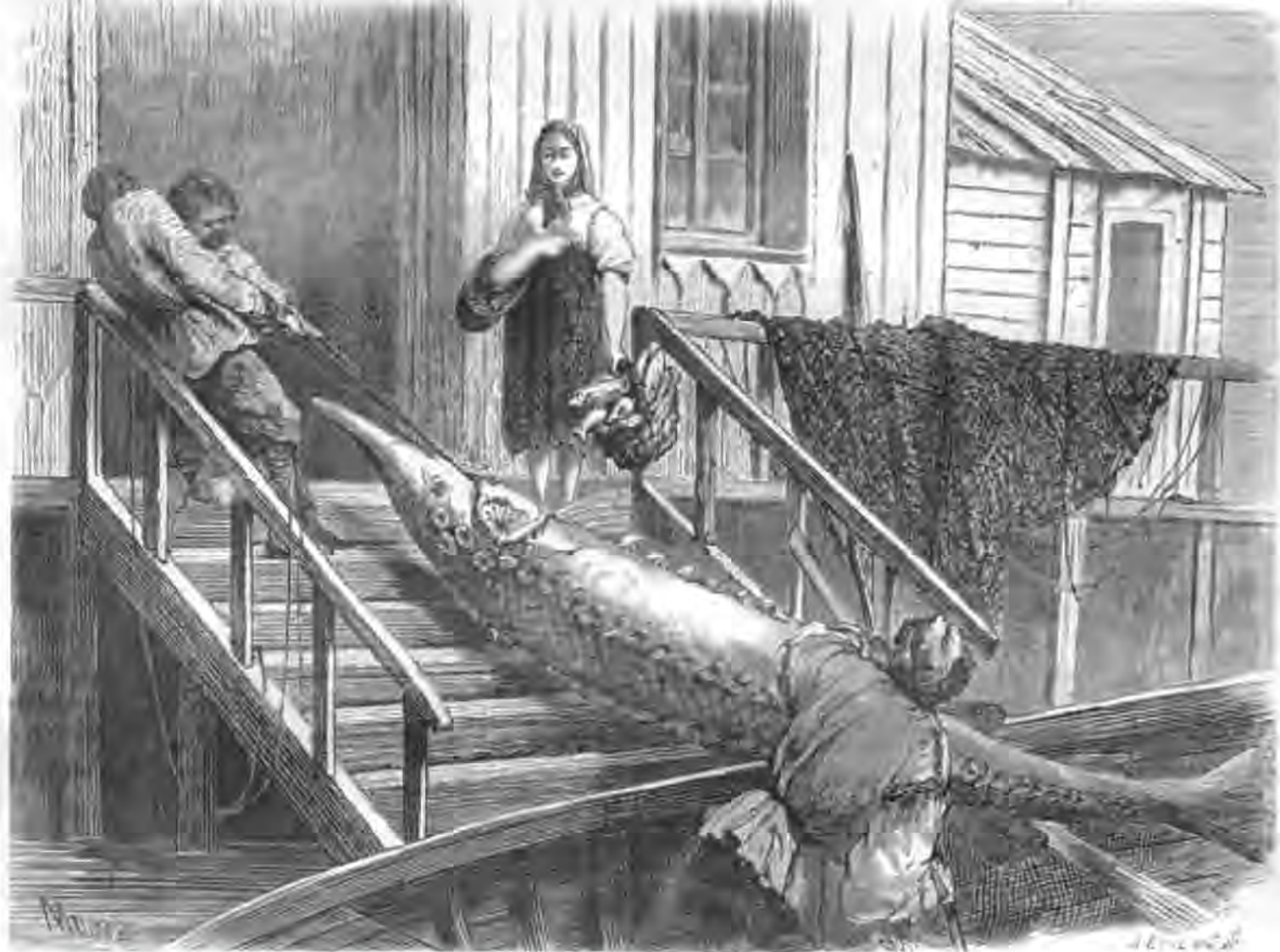
Лейпциг, Дрезден, Прага, Вена... Клиника глазных болезней, хирургические операции в больнице, родильный дом... И при первой же возможности совершал восхождения на горные вершины, отправлялся на продолжительные экскурсии. Ботаника, геология, палеонтология! Размышления о развитии живых организмов, смене исторических эпох... Интерес к сравнительной анатомии привел Бэра в Вюрцбург, к профессору Игнатию Деллингеру (1799–1890) — натуралисту философского склада, физиологу, основателю немецкой сравнительно-анатомической школы. Философский склад здесь — понятие определяющее.

Молодой Карл Бэр всегда был настойчив в поисках себя в науке, пытался дойти до самой сути. Он примкнул к рядам натурфилософов, чьи передовые для того времени взгляды на многообразный и изменчивый мир природы провозглашали, что история Земли есть история жизни, что предел совершенства живого мира — свободная воля. Как это увлекательно, многообещающе и как не похоже на окостенелый мир метафизических структур, не предусматривающий никакого

развития. Окрыленный мыслями, ученый отправился навстречу открытиям с мечтой о постижении универсального закона природы сначала в Кёнигсберг, а оттуда — в Санкт-Петербург. Но Бэр критически относился ко всему, включая и свои юношеские идеалы. Ведь критика и есть основа науки, но романтик жил в сердце ученого всегда.

Еще в 1819 г. руководитель первой русской кругосветной экспедиции И. Ф. Крузенштерн выхлопотал для Карла Бэра место врача-натуралиста в полярной экспедиции Ф. П. Врангеля. Надо ли говорить о том, как Карл Бэр мечтал отправиться в такое путешествие. Но именно тогда он женился и не мог оставить супругу. Однако мысль о полярных исследованиях уже

Ловля рыбы на Волге. Иллюстрация Жан-Пьера Муане. 1867 г.

не отпускала его. В 1825 г. Бэр писал географу и исследователю, графу Федору Петровичу Литке, что в течение ряда лет вынашивал планы естественно-исторического исследования русского побережья Ледовитого океана и хотел даже организовать экспедицию на собственные средства и возместить расходы последующей продажей собранных коллекций.

Неудивительно, что спустя всего три года после переезда в Санкт-Петербург академики Карл Максимович Бэр и Федор Федорович Брандт на заседании академической конференции (10 марта 1837 г.) внесли предложение об экспедиции на Новую Землю. Заручившись поддержкой ученого сообщества, Бэр с энтузиазмом взялся за подготовку к путешествию: изучил имевшуюся в его распоряжении литературу, познакомился с капитаном Августом Карловичем Циволькой, уже дважды бывавшим на Новой Земле. Еще до начала экспедиции Бэр написал несколько статей по теме будущих исследований, а через месяц после внесения первого предложения ученый составил детальный

план путешествия. Его утвердили, а самого Бэра назначили начальником экспедиции. Правда, штат ее оказался не слишком велик: студент Александр Леман, изучавший в Дерпте ботанику и геологию, художник Карл Редер да еще пара служителей из Зоологического музея. Подготовились быстро. Бэр знал: медлить нельзя — железо куют, пока горячо! 26 мая 1837 г. выехали из столицы и за 10 дней на тройках домчали до Архангельска, где их ждала шхуна «Лейтенант Кротов». Судно оказалось крошечным, длиной между перпендикулярами 10,7 м. Единственная каюта не могла вместить всех участников плавания. К величайшему разочарованию Бэра, пришлось отказаться даже от свежего молока в пути, ибо проще было погрузить саму шхуну на корову, чем наоборот. Пришлось у поморов нанять ладью «Святой Елисей» с капитаном и экипажем промысловиков. А тут еще обычай местных властей выпускать в море академиков только после торжественных речей, молебна и банкета... Погода и драгоценное время уходили.

Началось плавание в тяжелых условиях: дул сильный северо-восточный ветер. Не бывавшему доселе в море ученому и его помощникам пришлось, надо полагать, несладко. После первых 12 дней, чтобы переждать ненастье, сделали вынужденную остановку у деревни Пялица на юго-восточном побережье Кольского п-ва у гостеприимных поморов, человеческими качествами и образом жизни которых Бэр впоследствии восхищался всю жизнь. 20 июля 1837 г. экспедиция достигла Новой Земли в районе пролива Маточкин Шар. Местом стоянки выбрали м. Баранова, и ученые приступили к исследованию берегов.

Природа Новой Земли произвела неизгладимое впечатление на Карла Максимовича. Величественные пейзажи, неброские краски и оглушающая тишина! Даже птицы молчали, почти отсутствовали насекомые. Любящий бурление жизни в природе академик внезапно, по его собственному признанию, заскучал... по комарам. Работы по сбору естественно-научных коллекций шли полным ходом. Руководителя экспедиции интересовало буквально все: геология, ботаника, энтомология. Из 160 видов растений, известных сегодня на Новой Земле, тогда были собраны образцы 135 видов.

Экспедиция двигалась по проливу, встречая льды; оба судна вышли в Карское море и попали в жестокий шторм, чуть было не стоивший им жизни. Счастливо избежав смертельной опасности (шхуну едва не разбило о скалы), путешественники встретили поморов-промысловиков, оказавших им помощь. После этого случая Бэр решил не продолжать исследования восточного побережья Новой Земли, а вернуться в Маточкин Шар и начать движение в обратную сторону. Выйдя из пролива, парусники повернули на юг и, достигнув Костина Шара, бросили якоря в устье реки Нехватовой, где задержались на три недели, занимаясь изучением морской фауны. Наступали холода, 31 августа взяли курс на Архангельск, куда прибыли спустя 10 дней.

Продолжавшаяся три месяца экспедиция завершилась. Ее итоги не были грандиозными: никаких великих географических открытий ученые не совершили. Зато было установлено, что горные массивы Новой Земли являются продолжением Уральского хребта. Доклад об экспедиции впоследствии опубликовали на трех языках. Собранные коллекции были переданы в Академию наук. Три месяца для полярной экспедиции — не так уж много. Но позднее это небольшое плавание признали образцовым комплексным научным исследованием отдельной территории с изучением множества отдельных факторов среды и их взаимосвязей.

Из экспедиции Карл Бэр вернулся другим человеком: не просто ученым, а истинным путешественником! Уже в 1840 г. он вновь отправился на Север,

к берегам Русской Лапландии, вместе с А. Ф. Миддендорфом. Пройти от Кольского п-ва до Новой Земли помешала непогода, и Бэр принялся изучать морскую фауну на о. Кильдин.

А затем снова был Санкт-Петербург: семья, служба в Императорской медико-хирургической академии, где с 1841 г. Бэр занимал должность профессора кафедры сравнительной анатомии и физиологии. Это самый передний край науки. Рядом с ним были коллеги Н. Н. Пирогов и К. К. Зейдлиц, так много сделавшие для познания и спасения человеческих жизней.

Бэр выступал инициатором экспедиций П. А. Чихачева на Тибет, Л. С. Ценковского в Африку, Г. И. Радде на Амур, участвовал в подготовке экспедиции А. Миддендорфа на Таймыр. Он уделял большое внимание развитию географических знаний: совместно с Г. П. Гельмерсоном издал «Материалы к познанию государства Российского» в 26 томах; с Литке и Врангелем в 1845 г. предпринял шаги для создания Императорского Русского географического общества. (Поначалу именно он должен был занять место президента, но, трезво оценивая свои деловые качества, отказался.)

В 1852 г., после 11 лет службы в Императорской медико-хирургической академии, Карл Бэр подал в отставку. Формально — «из-за надвигающейся старости и ослабления зрения». На деле же впереди была эпохальная экспедиция на Каспий, которая стала эликсиром молодости для ученого.

Еще в 1851 г. по поручению Академии наук Бэр проводил комплексные исследования рыбных промыслов на Чудском озере и Балтийском море. Получилось эффективно и масштабно. Продолжая изучать причины упадка в этой жизненно важной для государственной казны сфере, в 1852 г. правительство вознамерилось направить исследовательскую экспедицию на Каспий, чтобы выяснить причины оскудения этого некогда богатого рыбой моря. Программу исследований поручили составить Бэру, предпочитавшему комплексный подход. По его мнению, необходимо было изучить не только биологию рыб, но и всю природу Каспийского моря. На это отвели три года. Академика Бэра назначили руководителем экспедиции, но штат был урезан до трех сотрудников (А. Я. Шульдц — техник, Н. Я. Данилевский — статистик и ботаник, К. И. Никитин — препаратор и рисовальщик). Экспедиция не уложилась в срок и длилась с перерывами с 1853 по 1857 г.

Преодолевая все преграды и не щадя себя, ученый отправился вниз по Волге, прошел часть пути на парусной лодке, капитан которой заболел холерой и умер. В Астрахани Бэр приступил к морским исследованиям. Первый этап включал изучение рыболовства на Волге от Нижнего Новгорода до Астрахани, дельты Волги

Медаль 1864 г., выпущенная в честь 50-летия научной деятельности академика К. Э. Бэра

с сотнями протоков и островов, знакомство с промыслами в рыбацких селах и ватагах, с добычей соли на соляных озерах и т. д. Был проведен осмотр восточного побережья Каспия в районе п-ва Мангышлак, составлена карта рыбных промыслов на Волге и вдоль берегов моря, взяты пробы воды и грунта, собраны обширные коллекции моллюсков. На зиму Бэр вернулся в столицу для обработки полученных материалов. Полевые работы чередовались с камеральными: к началу 1855 г. ученый подготовил два выпуска «Каспийских исследований». Работа продолжилась на западном и южном побережьях моря. Помимо рыбных богатств, Бэра интересовали геология, палеонтология, археология, антропология, история и этнография.

Благодаря усилиям ученого в Астрахани появился ботанический сад, были описаны характерные для прикаспийского ландшафта Бэровские бугры и сформулирован закон Бэра, связывающий форму берега с вращением земного шара. Кроме того, Бэр рекомендовал к употреблению в пищу волжскую сельдь как альтернативу голландской. До 1860-х гг. волжская сельдь, известная тогда в народе как бешенка, не пользовалась спросом: ее считали нечистой, и шла она исключительно на жиротопление.

Вывод о причинах оскудения рыбных промыслов оказался неутешительным: природа ни при чем — виноват человек, хищническим ловом уничтожающий экосистему...

Труды Бэра были вознаграждены Константиновской медалью ИРГО, орденом Станислава и небольшой денежной премией. Впоследствии, в 1862 г., уже 70-летний ученый возглавил еще одну экспедицию. Она длилась всего четыре месяца и тоже посвящалась еще одной экологической проблеме — обмелению Азовского моря.

В конце 1850-х гг. Бэр окунулся в сравнительную крапниологию — науку о черепах, давно интересовавшую его. Еще перед каспийской экспедицией он написал большой очерк под названием «Человек в естественно-историческом отношении». С этого времени он активно путешествовал по Европе, выступал с докладами и публикациями по антропологии. Академик рассматривал

человека, стремящегося к духовному развитию, как сверхзадачу природы. Его интересовали маршруты, которыми двигалось человечество, история формирования человеческих рас, внешние изменения внутри человеческого вида под воздействием среды обитания. Карл Бэр мечтал и хлопотал о создании в России Этнографического музея при Географическом обществе, в Академии наук организовал антропологический кабинет, часто давал поручения, связанные с антропологическими исследованиями путешественникам, отправлявшимся в дальние края. Среди ученых, исполнявших подобные поручения, был Н. Н. Миклухо-Маклай. В статье «О папуасах и альфурах» Бэр призывал, пока еще не поздно, изучить полнее не затронутых цивилизацией обитателей Новой Гвинеи. Поэтому нет ничего удивительного в том, что один из горных хребтов в северо-восточной части этого острова носит имя Бэра.

Не скромничая и не отвергая признания собственных заслуг, Бэр и в преклонном возрасте продолжал активно работать. Вернувшись в Дерпт, город своей юности, ученый прожил там до своей кончины 16 ноября 1876 г.

На памятной медали, отчеканенной в честь 50-летия научной деятельности великого ученого, нанесена надпись на латыни: «С самого начала (букв. — «с яйца» — *Прим. авт.*) он показал человека человеку». Остроумно, масштабно и очень верно! Под статью достижениям патриарха естественных наук!

